

УДК 94(47).084.8: 574.2
ББК 63.3(21)62+20.18(21)

Е.А. КАЛЕМЕНЕВА

E.A. KALEMENEVA

**СЕВЕРНЫЙ КЛИМАТ КАК «ВРАГ» И КАК РЕСУРС
В СОВЕТСКИХ УРБАНИСТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ
АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ 1940-х ГОДОВ**

**NORTHERN CLIMATE
AS «AN ENEMY» AND A RESOURCE
IN SOVIET URBAN PLANNING PROJECTS
FOR ARCTIC TOWNS IN THE 1940s**

Исследование подготовлено при поддержке РНФ, проект № 16-18-10265

The research was made with the support of RScF, project № 16-18-10265

Статья посвящена исследованию первого этапа институционализации северного градостроительства в СССР в конце 1940-х годов. На примере деятельности первого исследовательского отдела Севера при Ленинградском филиале Академии архитектуры СССР проанализировано, каким образом зарождался «экспертный подход» к решению проблем благоустройства городов Крайнего Севера в середине XX века. Первые проекты специальной планировки поселений показывают, что северная природа в них одновременно воспринималась как враг, от которого нужно защитить население, и как фактор легитимации принципиально новых градостроительных решений.

The article examines the first stage of the institutionalization of northern urban planning in the USSR in the late 1940s. By focusing on the first research center at the Leningrad branch of the Soviet Academy of architecture the article analyzes the formation of the “experts’ view” on the issues of creating good living conditions in the Arctic towns in the middle of 20th century. The first urban projects of towns with special planning principles demonstrate that northern nature was perceived by central architects both as an enemy to protect inhabitants from, and as a tool for legitimization of new planning schemes.

Ключевые слова: Крайний Север; урбанизация; северная архитектура и градостроительство; климат; Академия архитектуры СССР.

Key words: Extreme North; urbanization; northern architecture and urban planning; climate; Soviet Academy of architecture.

Освоение Крайнего Севера было важным ориентиром советской политики на протяжении всего XX столетия. В основе концепции освоения Севера в СССР лежал типичный европейский модернистский колониальный дискурс, призывающий к завоеванию якобы «пустых территорий», освоению их богатства, трансформацией природы. Основной причиной постепенной экономической колонизации Крайнего Севера был его богатейший ресурсный потенциал [15], однако главными препятствиями на пути его быстрого освоения были суровый климат, огромные расстояния и неразвитость инфраструктуры, что приводило к многократному удорожанию любых работ [8]. В советских официальных нарративах северная природа нередко была редуцирована до набора ценных для индустриализации ресурсов, а климат изображался как враг, который должен быть преодолен и побежден мужеством советских людей. Сам процесс освоения Севера описывался в милитаристских терминах завоевания и покорения пространства, а отношение к ресурсам метко характеризует распространенная еще несколько десятилетий назад фраза: «Кладовая природы должна быть раскрыта». Многочисленные исследования показывают, что подобное отношение к природным ресурсам было традиционным для советской политики и приводило к губительным последствиям как для экологии, так и для общества [4, 13].

Интерес исследователей зачастую обращен на изучение действий советского правительства по освоению региона. Однако недавние исследования, посвященные изучению освоения Крайнего Севера с позиций экологической истории, позволяют сменить фокус с государственных действий на более сложные и неоднозначные процессы взаимодействия человека и природы в условиях сурового климата, рассматривая окружающую среду не просто как фон, но как активного агента. Так, в своей последней книге «The Nature of Soviet Power» Энди Бруно, анализируя освоение и развитие Кольского полуострова в XX веке, наглядно показывает, что не только советская власть радикальным образом трансформировала окружающую среду, но и различные природные факторы влияли на советский опыт и оформляли его, корректируя планы или формируя повседневность людей наравне с властными директивами [14].

Данная статья развивает тезис Бруно о природе как агенте влияния на исторические процессы, исследуя на примере первого этапа институционализации северной архитектуры, каким образом в конце 1940-х гг. северный климат впервые стал использоваться городскими экспертами для обоснования и утверждения своих проектов и насколько опыт нахождения ленинградских архитекторов в арктическом регионе влиял на создаваемые ими проекты. На основе анализа архивных документов и воспоминаний будет показано, каким образом и в каких условиях зарождался «экспертный подход» к решению проблем благоустройства городов Крайнего Севера в середине XX века.

Одной из главных черт советской политики в Арктике на протяжении XX века было стремление сделать регион «современным» [16], что являлось результатом более широких задач по экономическому освоению богатейшего ресурсного потенциала региона, а также геополитических целей утверждения превосходства СССР в Арктике. Параллельно с созданием индустриальных центров шло формирование урбанистической среды. Безусловно, населенные пункты существовали и развивались на Крайнем Севере на протяжении столетий. Однако большинство северных индустриальных городов XX века типологически отличались от предшественников, поскольку единственной целью их основания было создание промышленных центров, а в основе их создания лежала монополия новой власти на любые ресурсы, включая трудовые, и возможность их мобилизации для экономических нужд. Вследствие этого с 1920-х годов в ходе индустриализации и работы Главного управления Северного морского пути сотни населенных пунктов были построены в полярном регионе практически с нуля.

Но если вопросы промышленного освоения Севера практически не сходили со страниц советских газет с конца 1920-х годов, проблемы строительства новых городов редко освещались в центральном дискурсе до 1950-х годов, поскольку большинство северных индустриальных центров первой половины XX века создавалось трудом заключенных системы ГУЛАГ. Последнее сказывалось не только на практиках управления и на социальной структуре поселений, но и на их планировке. При полном доминировании задач промышленного освоения финансирование строительства жилой среды всегда происходило по остаточному принципу, потому эти населенные пункты до 1950-х годов нередко застраивались бараками совершенно без учета влияния климатических условий на планировку [1].

Капитальное каменное строительство в условиях Крайнего Севера требовало иных технических и градостроительных решений, что не позволяло опереться на прежние строительные технологии. Одна из отличительных особенностей северных городов заключалась в том, что проектировали их в основном приезжие специалисты, не имевшие ранее опыта жизни и работы в условиях полярного климата. В 1930-е годы небольшие поселения нередко возникали хаотично вне всякого плана. Более крупные пункты проектировала проектно-изыскательная контора в системе ГУСМП (Гипроарктика), но исследовательской деятельностью градостроительства в условиях

северного климата ее сотрудники не занимались. В некоторых крупных лагерных пунктах при комбинатах существовали свои проектные конторы, состоящие из заключенных и вольнонаемных. К примеру, по подсчетам А. Слабухи, в Норильске на протяжении лагерного периода находилось 22 заключенных специалиста-архитектора и 11 вольнонаемных, большинство из которых прибыли из Москвы или Ленинграда и имели качественное профессиональное образование [7]. Это сказалось и на планировке Норильска, центр которого застроен «южными» неоклассическими формами.

Безусловно, уже первые строители и архитекторы столкнулись с проблемами возведения зданий в условиях сильных снеготаносов, вечномёрзлых грунтов и длительных отрицательных температур. Однако, насколько можно судить по воспоминаниям и позднейшим экспертным отзывам, первые исследования проводились методом проб и ошибок и касались в основном только вопросов конструкции фундаментов в условиях вечномёрзлых грунтов, а не разработкой планировочных принципов [5, с. 106–112]. В то время как центры нескольких крупных городов были спроектированы в торжественных неоклассических декорациях, большинство жителей этих городов до середины 1950-х годов проживало в хаотично расположенных бараках, щитовых деревянных домах или палатках, мало приспособленных к арктическому климату на протяжении долгого времени [2].

Возникает вопрос: когда же внимание к северным городам меняется? Насколько можно судить по архивным материалам, впервые институциональное оформление северного направления архитектурной практики произошло в 1948 году, когда в планах научно-исследовательской деятельности только что организованного Ленинградского филиала Академии Архитектуры появился раздел «Строительство в северных районах СССР. Изучение, систематизация и обобщение опыта строительства в северных районах Европейской части СССР» [6, л. 24]. Большое значение для последующего развития направления имела специфика Академии архитектуры СССР, она представляла собой не просто проектное, но, в первую очередь, главное научное учреждение страны, изучавшее вопросы архитектуры в широком смысле этого слова, включая проблему планировки, строительства, разработки новых материалов и конструкций. Этот статус предполагал проведение экспериментальных исследований, для чего при Академии существовало несколько лабораторий. Академия готовила новые научные кадры в существующей при ней же аспирантуре. Иными словами, это учреждение обладало наибольшим количеством ресурсов (как материальных, так и интеллектуальных) для разработки новых исследований, связанных с вопросами архитектуры и строительства. К тому же Ленинград был наиболее удобной точкой для разработки «северного» направления архитектурной практики: здесь была одна из сильнейших архитектурных школ страны, а также существовали перспективы научной междисциплинарной кооперации, поскольку в городе на тот момент уже функционировало несколько учреждений, занимавшихся вопросами изучения и освоения Арктики.

Новосозданная «группа Севера» при Ленфилиале состояла из трех человек: руководителя, члена Академии архитектуры, А.И. Дмитриева, архитектора К.Д. Халтурина и инженера С.Л. Голубева. Все члены нового отдела ранее никогда не имели дел с полярным регионом, но к тому времени они были уже сформировавшимися специалистами [3]. Классическая архитектурная школа будет оказывать значительное влияние на первые исследования северной архитектуры, поскольку большое внимание архитекторы уделяли не только технической стороне, но и вопросам стилистики и облика города.

Важно проследить, каким образом в Ленфилиале пытались почти «с нуля» начать исследования градостроительства на Севере. Первым шагом для ленинградских архитекторов было изучение местных условий. В качестве точки исследований была выбрана Воркута [9, л. 4–5]. Объяснить этот

выбор можно несколькими мотивами. Воркута в эти годы представляла собой сравнительно крупное поселение, именно там была одна из баз Академии наук по изучению вечной мерзлоты, потому была возможность опереться на местные наработки. Из-за отсутствия специального разрешения архитекторам был предоставлен доступ к обследованию далеко не всех построек (в силу нахождения лагеря в Воркуте) [9, л. 84]. Но уже в ходе первой экспедиции сотрудников Ленфилиала в районы Крайнего Севера начинают формироваться и основные принципы описания северного поселения глазами специалиста из центра, устойчивость которых сказывалась вплоть до схожих работ 1980-х годов. На их основе можно проследить, каким образом менялось отношение к своим задачам у специалистов из Ленинграда в первый период разработки новых проектов.

Особый интерес представляют несколько вопросов: каким образом обоживалась необходимость особых исследований северного градостроительства, как описывалась прежняя застройка полярных городов и какие базовые изменения предлагали для решения проблем благоустройства поселений. В данном случае анализируются внутренние отчеты сотрудников, которые не уходили за рамки института, поэтому во многом были свободны от обязательных идеологических отсылок. Наличие в этот момент лагеря в Воркуте там никак не отражалось, но знакомство с этими нарративами демонстрирует, что уже в конце 1940-х годов при описании вопросов северного строительства сформировался своеобразный гуманистический тезис о первоочередной необходимости создания благоприятных условий для населения Севера. В научных отчетах сотрудников за 1948 год можно встретить внимание именно к запросу «снизу»: «...у людей, приехавших работать на Север, согласно произведенным опросам, появляется повышенное стремление к пребыванию в обществе в свободное время и в общении друг с другом, длительная работа с приобретением необходимых навыков требует создания хороших условий для жизни» [10, л. 7].

Уже с первых обследований зарождается критика «местного подхода» к проектированию со стороны центральных специалистов, за счет чего происходило утверждение собственного экспертного статуса. Прежних строителей ругали за плохую инженерную подготовку территории (поскольку она «носит случайный характер, и не является неотъемлемой частью культурного освоения территории» [9, л. 79]), за неправильный выбор территории для расположения города. Примечательно, что, ввиду классического образования находившихся в командировке Дмитриева и Халтурина, особой критике подвергались не столько деревянные бараки, сколько опыты неоклассицизма в Заполярье: Дмитриев писал, что «хуже выглядят помещения, выстроенные в чуждых советскому северу формах античной Греции. Колонны заносятся снегом, – потому формы даже противоречат здравому смыслу, но на Крайнем Севере эта архитектура получила большое распространение» [10, л. 56].

В противовес этому ленинградские архитекторы стали предлагать иной подход к проектированию северного города, утверждая, что исследований только конструктивных вопросов недостаточно для решения проблем, возникающих при обустройстве северных городов. Этого можно добиться только широким охватом многочисленных сторон градостроительной оптики. Неоднократно звучал тезис о том, что в основе проектирования должна лежать необходимость предоставить людям, работающим в Заполярье, максимальные удобства и «обеспечить население благоустроенным жилым фондом» [11, л. 10]. С другой стороны, подобная «гуманистическая направленность» могла быть спровоцирована самой же идеологией и фиксацией зазора между повсеместно звучащими установками о «сталинской заботе о каждом советском человеке» и реальным их состоянием. Более того, для объяснения необходимости создания благоприятной среды в городах в конце 1940-х годов был значим не только «гуманистический» тезис, но и идеологический оттенок «советскости» Арктики: эти города должны быть благоустроенными,

поскольку это «советские города». Так, грамотно выбрать территорию и застраивать город нужно было не просто для того, чтобы создать благоприятные условия, но и чтобы «не превращать [город] в безрадостный и мрачный, не соответствующий понятию населенного пункта Советского Союза» [10, л. 7]. Поэтому специальные принципы планировки во многом были направлены на то, чтобы создать «характер нового города советского Заполярья» [10, л. 28].

Халтурин писал о том, что особая планировка кварталов позволяет регулировать мерзлотный режим и снеготаносы в черте города [12, л. 19]. Не пересказывая всего содержания исследований, можно лишь коротко перечислить некоторые из основных предложений по особому устройству северных городов. Отдельное внимание уделялось техническим вопросам строительства зданий на вечномёрзлых грунтах, но это был далеко не единственный вопрос. К.Д. Халтурин настаивал на том, что в каждом решении должна учитываться специфика северных природных условий и их влияния на условия проживания, на основе чего предлагал базовые принципы организации северного города, воплощенные в проекте на рисунке 1 [10, л. 25].

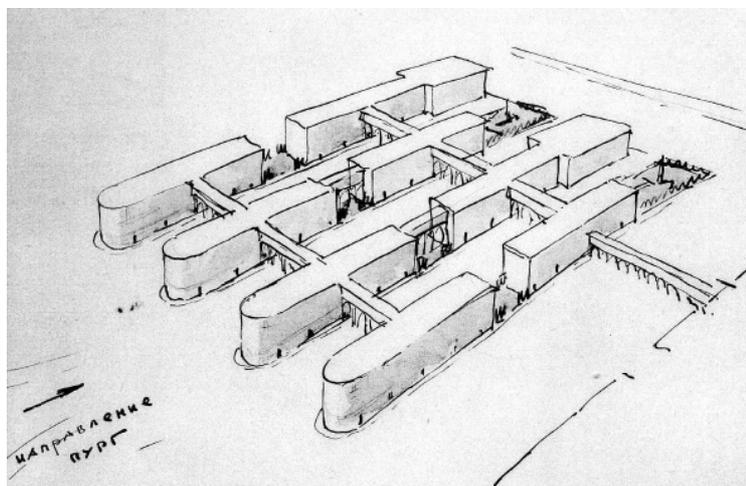

Рис. 1. Проект северного города
(по замыслу архитектора К.Д. Халтурина)

Так, планировка города должна быть максимально компактной для сокращения необходимых переходов от здания к зданию и облегчения устройства коммуникаций [10, л. 55]. При этом само расположение зданий и улиц должно быть не случайным, а вдоль направления основных пург, что поможет обеспечить отсутствие снегового покрова на улицах. Для этого Халтурин даже начал проводить изучение принципов снегоотложений в кварталах путем натуральных наблюдений [12, л. 10]. Помимо этого предлагалась специальная планировка зданий, чтобы по возможности избегать прямых углов, поскольку через них проходят основные теплотери. Потому он отмечал, что целесообразнее создавать здания прямых и обтекаемых очертаний. Его коллега - инженер С. Голубев - отдельно прорабатывал вопрос конструктивных элементов зданий, размеры оконных и дверных проемов, лестничной клетки, этажности зданий [11]. Особое внимание он уделял необходимости организации крытых переходов между зданиями по уровню чердачного этажа, которые бы служили для защиты населения от холода и пурги в зимнее время. Таким образом, уже в этом первом проекте сотрудников отдела Севера Ленфилиала в 1948 году хорошо заметно стремление оградить население от контактов с полярной природой.

Примечательным является обращение авторов к эстетическому облику зданий. Уже приводились примеры критики «насаждаемых чуждых южных форм» со стороны К. Халтурина и А. Дмитриева. Взамен того они предлагали обратить пристальное внимание на традиционную культуру коренных народов Севера, в первую очередь на орнаментальное оформление, чтобы придать архитектуре заполярного региона «свой особый, полученный на реальной основе характер» [12, л. 21]. В качестве приложения Халтурин создал особый каталог орнаментов, которые советовал применять при оформлении фасадов. В научном отчете это было сформулировано следующим образом: «Совершенно очевидно, насколько решение в цвете и орнаменте правдивее и лучше форм, рассчитанных на игру южной светотени, никогда не бывающей в этих широтах. Именно они [местные формы и орнаменты. – Прим. Е.К.] могут определить лицо новых полярных городов» [9, л. 60].

Таким образом, первые проекты специальной планировки поселений для Крайнего Севера, разработанные в Ленинградском филиале Академии архитектуры, показывают, что на первом этапе формирования экспертного подхода к северному градостроительству полярная природа одновременно воспринималась центральными архитекторами и как враг, от которого нужно защитить местное население, и как фактор легитимации принципиально новых градостроительных решений, во многом предвосхитивших развитие «северной» архитектуры во второй половине XX века. Впервые северный город стали концептуализировать как особый феномен, который должен застраиваться и функционировать на принципиально иных основаниях. Безусловно, в условиях позднесталинского времени фокус исследований северных городов был весьма урезанным: в работах никак не фигурировали упоминания о существовании лагерей и ужасных условий содержания заключенных, речь шла только о застройке фактического центра города, предназначенного для вольного поселения. Однако важно, что уже с конца 1940-х годов в профессиональной среде архитекторов поднимается не просто вопрос строительства промышленности и зданий на вечной мерзлоте, но и проблема неудовлетворительных условий жизни населения на Крайнем Севере. Исследования первого периода сложно назвать хорошо проработанными. Ко многим выводам сотрудники приходили на основе натурных исследований, простых опросов местных жителей. Однако при этом они сформулировали комплексный взгляд на проблемы застройки Севера, пытались охватить широкий спектр вопросов, куда входили не только технические аспекты, но и изучение проблемы акклиматизации, проблемы озеленения, влияния полярной ночи на организм человека.

Литература

1. Болотова, А.А. «Если ты полюбишь Север, не разлюбишь никогда»: взаимодействие с природой в северных промышленных городах [Текст] / А.А. Болотова // Неприкосновенный запас. – № 5. – 2014. – С. 170–188.
2. Калеменова, Е.А. Советская политика освоения Крайнего Севера и критика жизненных условий арктических городов в нарративах хрущевского времени [Текст] / Е.А. Калеменова // Quaestio Rossica. – Т. 5. – 2017. – № 1. – С. 153–170.
3. Кириков, Б.М. Александр Дмитриев. Архитектор первой половины XX века [Текст] / Б.М. Кириков. – СПб. : Коло, 2009. – 400 с.
4. Коротаяев, В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии [Текст] / В.И. Коротаяев. – Архангельск : Изд-во ПГУ, 1998. – 189 с.
5. Маркова, Е.В. Воркутинские заметки каторжанки «Е-105» [Текст] / Е.В. Маркова. – Сыктывкар : Коми респ. благотвор. обществ. фонд жертв полит. репрессий «Покаяние», 2005. – 236 с.
6. Российский государственный архив экономики. Ф. 250. Оп. 1. Д. 293.

7. Слабуха, А. Зодчие Норильлага («групповой портрет» - из некоторых цифр статистики) [Электронный ресурс] / А. Слабуха // Капитель. - 2010. - Режим доступа: <http://kapitel-spb.ru/article/a-слабуха-зодчие-норильлага-группов/> (дата обращения: 11.10. 2017).
8. Славин, С.В. Некоторые закономерности хозяйственного развития Севера и пути повышения его эффективности [Текст] : доклад на секции общих проблем и картографии / С.В. Славин. - М. : [б.и.], 1966. - 25 с.
9. Центральный государственный архив литературы и искусств Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 347. Оп. 2. Д. 4.
10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 43.
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 44.
12. ЦГАЛИ СПб. Ф. 347. Оп. 2. Д. 45.
13. An Environmental History of Russia [Text] / eds P. Josephson, N. Dronin [et al]. - Cambridge : Cambridge University Press, 2013. - 340 p.
14. Bruno, A. The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History [Text] / A. Bruno. - NY : Cambridge University Press, 2016. - 288 p.
15. Lajus, J. Colonization of the Russian North: a Frozen Frontier [Text] / J. Lajus // Cultivating the Colonies. Colonial States and Their Environmental Legacies / eds C.F. Ax, N. Brimnes, N.T. Jensen, K. Oslund. - Athens : Ohio University Press, 2011. - P. 164-190.
16. Trautman, L. Modernization of Russia's Last Frontier: The Arctic and the Northern Sea Route from the 1930s to the 1990s [Text] / L. Trautman // Modernisation in Russia since 1900 / eds. M. Kangaspuro, J. Smith. - Helsinki : Finnish Literature Society, 2006. - P. 252-266.